

УДК 821.161.1 – 312.6'09

Драган О.А., преподаватель

Харьковский национальный экономический университет им. С.Кузнеця,
Харьков, Украина

МОТИВ ДОРОГИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГЕ

Л. МАРТЫНОВА «ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ»

В статье исследуется мотив дороги в автобиографической прозе Л. Мартынова. Функции дороги, пути, путешествия в исследуемых произведениях писателя разнообразны и многогранны. В автобиографической прозе поэта этот мотив недостаточно исследован, поэтому анализ того, как он проявляется в текстах автора, а также выявление его специфических функций дают возможности для лучшего понимания творческих задач писателя, и методов, используемых для их решения.

Ключевые слова: мотив, дорога, хронотон, пространство, время, путешествие

Цель данной работы – выявить художественное своеобразие мотива дороги в автобиографической книге Л. Мартынова «Воздушные фрегаты» как важнейшей для понимания художественных особенностей творчества писателя, что позволяет еще глубже проникнуть в его творческий замысел, максимально адекватно представить общую картину его творческого развития в контексте истории и закономерностей эволюции литературы XX в. Объект исследования данной работы – сборник автобиографических текстов книги Л. Мартынова «Воздушные фрегаты».

В современном литературоведении мотивное построение текста является весьма значимым средством выражения авторского миропредставления. Существует множество работ, в которых в той или иной мере исследуется категория мотива (И.В. Силантьев, А.Н.

Веселовский, В.И. Тюпа, Б.В. Томашевский, Б.М. Гаспаров, Б.Н. Путилов и др.). Этой теме касаются украинские ученые (М.С. Заборна, Т.В. Кушнирова, О.В. Лабащук, В.С. Працёвытый и др.).

Основой для формирования теории мотива в русском литературоведении послужили выводы А.Н. Веселовского, который впервые описал мотив как литературоведческое понятие в работе «Поэтика сюжетов». Позже, Б.В. Томашевский в работе «Теория литературы. Поэтика» даёт два определения мотива, которые «отражают концепции теоретической и сравнительно-исторической поэтики» [12; с.84].

В дальнейшем мотивами стали называть и характерные для поэта и писателя лирические темы или комплекс различных чувств и переживаний героя, а также устойчивые свойства его лирического образа.

Поскольку путь в литературе – это определённая форма движения, то он всегда связан со смыслом и целью, имеет начало и конец, является проявлением определённых закономерностей в мире, выражает идею становления и преодоления, содержит моменты встречи, связан с пространственно-временным хронотопом и имеет внешнюю и внутреннюю структуру.

М.М. Бахтин, анализируя европейский роман, ввел понятие хронотопа («времяпространство») и определил его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1:234]. М. М. Бахтин полагал, что «ведущим началом в хронотопе является время» [1:235]. Хронотоп определяет и жанр, и образ человека, и сюжет. Пользуясь понятием хронотопа, М.М. Бахтин нарисовал впечатляющую картину европейского романного пространства, предложил типологию хронотопов и проследил их трансформации в истории. М.М. Бахтин в работе под названием «Формы времени и хронотопа в романе (очерки по исторической поэтике)» анализирует хронотоп дороги через историю романа. Рассматривая понятие «хронотоп», основное внимание автор сосредотачивает на

ведущем положении в хронотопе – проблеме времени, выделяя при этом несколько типов времени: авантюрное, авантюрно-бытовое и биографическое. «Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [1; с.399].

М.М. Бахтин выделяет хронотоп встречи и хронотоп дороги, обладающие разной степенью эмоционально-ценностной интенсивности. «Встречи в романе обычно происходят на “дороге”. “Дорога” – преимущественное место случайных встреч. На дороге <...> пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы <...> Это точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: “жизненный путь”, “вступить на новую дорогу”, “исторический путь” и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени». [1; с.401]

Художественное наполнение и функционирование хронотопа дороги в автобиографической книге «Воздушные фрегаты» связано и с типом художественного видения писателя, и с традиционным представлением той эпохи, в которой проходил его жизненный путь. Эмпирическое и символическое значение мотива пути обусловили множественность его вариантов, одного из ключевых в творчестве Л. Мартынова.

В исследуемой нами книге «Воздушные фрегаты» дорога рассматривается в значении «жизненный путь». Актуализированный в произведениях Л. Мартынова, являясь в них стержневым, мотив дороги

организует вокруг себя не только пространство и время, но и героев произведений.

Отмечая устойчивость данного мотива, следует отметить, что с учётом его художественного своеобразия и способов реализации в тексте, он объединяет и проясняет глубинные смыслы и значения, которые обнаруживаются в биографических фактах и в художественном мире писателя. В мартыновском дискурсе мотив дороги, странствий имеет биографическую точку отсчета: собственное время рождения и годы детства автор-повествователь описывает как «рубеж двух миров» – старого и нового: «Я рос на бревенчато-кирпичной границе старого церковно-банного, кошмяно-юртового, пыльного, ковыльного старого мира и – железнодорожного, пароходного, пакгаузно-элеваторного, велосипедно-аэропланного и телефонно-пишущемашинного нового мира» [8, Т3.; с.23]. Первые детские воспоминания писателя варьируются во многих новеллах, программируя сюжетное развитие. В главах о детстве и юности в поле зрения Мартынова попадают лишь те события, которые являются значимыми в его становлении как художника слова. Увлечение чтением книг раздвинуло границы мира, в представлении автора «открылись горизонты более широкие, чем даже с крыш нового двухэтажного дома Вальса» [8, Т3; с.18]. Таким образом, можно проследить эволюцию начала творческого пути и его дальнейшего развития при этом подчеркнув его темпоральную перспективу, где мотив пути (креативного развития) приобретает более широкие перспективы.

Пространство «Воздушных фрегатов» плоскостное, горизонтально направленное, сочетающееся с временными рядами и конкретизируясь в преодолении определённых дистанций: «...я любил эту улицу, столь отличную от блинообразности Омска» [8, Т.3; с.197], «провел первые годы жизни в служебном вагоне отца и знал каждую водокачку между Челябинском, Омском и Каинском» [8, Т3; с.12]. Плоскостность пространства можно заметить и в описании степи: «...южными своими

окраинами Омск уходил в казахскую – полынную, ковыльную и солончаковую – степь, а окраинами северными смотрел уже на сибирский лес» [8, Т3; с.85] Мотив дороги здесь очевиден и указывает на символ неизведанных целей, пока ещё туманных, но достижимых в будущем.

В главе «Революция» автор описывает ощущения 12-летнего мальчика, увлекшегося Маяковским и пытавшегося осмыслить происходившие в Омске предреволюционные события. Здесь у Мартынова строки стихотворения Маяковского: «Я, осмеянный у сегодняшнего племени...» как бы «оживают» и осмысливаются по-новому, он с гордостью применяет их к тем событиям, где действительно мелькали «френчи и галифе» у кафе «Дима» возле Железного моста. Здесь мотив дороги (моста) выступает как переход от одной, «дореволюционной» жизни, к другой – после революции. Не зря он упоминает о том, что именно у этого Железного моста любил декламировать стихи Маяковского, как «освобожденный 1917 годом от мундирчика и папахи, от молитв, исповедей и причастий» и больше всего не хотевший возвращения прежнего старого уклада жизни, чтобы «наслаждаться свободой делать то, что хочется» [8, Т3; с.72]. Мотив дороги становится как бы сверхуровневой единицей текста, связанной с таким значимым концептом художественного мира Мартынова, как самоидентификация, феномен осознания своей жизненной цели – служение искусству.

Мартынов был настоящим «покорителем пути», и здесь он изоморфен своему страннику, скитальцу, путешественнику, и, прежде всего, автобиографическому герою его произведений. Например, в главе «Моя ладья» автор рассказывает о своем увлечении лодками, которые он любил изображать «даже на полях рукописей, вырисовывая преимущественно с кормы, с кранца, в таком ракурсе, чтоб на заднем плане возвышался высоко поднятый волною <...> лодочный нос» [8, Т3; с.59]. Изображение лодки, устремленной вперед и видимой с кормы, подтверждает мысль автора, что «нам доступно посмотреть с кормы на

берега, которыми владеем». Так и во многих стихотворениях Л. Мартынова («Река Тишина», «Переправа» и др.) речь идет, в сущности, не о лодках, хотя они там присутствуют: ладья, судно, корабль занимали значительное место в его творчестве. Здесь мотив пути указывает на жизнь в движении, он сосредоточен на самораскрытии автора как поэта и писателя. Размышляя о возможности судовождения по степным озерам, Мартынов обобщает, расширяет временной план для того, чтобы объяснить свое обращение к образу лодки, течения: «...у каждого есть своя сквозная тема, продиктованная некими первичными, а может быть даже и унаследованными переживаниями, ощущениями, желаниями, мечтами: взять в руки весло, и грести и править, вдруг неожиданно обнаружив, что у тебя в руках не весло, а перо» [8, Т3; с.63]

В главе автобиографической книги «Лукоморье» прослеживается связь с одноименным поэтическим сборником Л. Мартынова, с публицистическим очерком «Лукоморье» (1942 г.), а также с одним из его ключевых образов – образом Лукоморья. О его возникновении и развитии в собственном творчестве писатель повествует в данной главе. На протяжении всего творческого пути образ Лукоморья постепенно эволюционирует, возникая из «энциклопедии чудес, которая называется творчеством Пушкина». «...Конечно, же, – пишет Л. Мартынов, – я узнал про дуб зеленый, и про цепного кота, и про русалок <...> к факту существования Лукоморья я отнесся со спокойным доброжелательством» [8, Т.3; с.336]. Далее он представляется писателю «Лукоморьем новгородских летописных преданий», неким символическим северным местом, где «край полунощный богат, где снегами берег вспенен». Затем трансформируется в собственный автопортрет скитальца, бродяги, прохожего, на других не похожего, поющего песни о Лукоморье. Обращение поэта к историческим материалам, изучение старинных преданий и легенд о кодской княгине Анне, о гиперборейской Златой Бабе – «прекрасной идолице Обдорья» дало ему возможность закончить

стихотворение, которое стало заглавным и определило характер «первой, получившей широкую известность книги стихов “Лукоморье”, вышедшей в 1945г.» [8; Т.3; с.342]. Эти автобиографические стихи о сказочнике-флейтисте, мечтающем о сказочном Лукоморье, одиноко бродящем по улицам некоего города и непонятым многими обывателями, выражают собственные представления Мартынова о назначении поэта в мире.

Важно отметить, что странствие, путь, являясь вечным, универсальным способом освоения мира, в автобиографическом сборнике Мартынова имеет весьма чёткую траекторию, художественно преображённую и значимую для выявления биографической судьбы героя. Так, название главы «Воздушные фрегаты» проецируется на заглавие одноименного стихотворения Л. Мартынова и на общее заглавие всей автобиографической книги, сопрягающей поэзию и прозу. Метафорическое название «Воздушные фрегаты» возникает из образа «Летучего голландца», существующего уже много веков. Главные образы стихотворения – образ моря, образ пути поэтического корабля, продолжающего свой бесконечный путь в поисках духовного Лукоморья. С заглавием одноименного стихотворения Л. Мартынова перекликается и название главы «Полет над Барабой». В данной главе Л. Мартынов не только пишет о том, как возникали строки одноименного стихотворения, но и повествует о личности пилота, Н. Иеске, полет с которым подарил поэту незабываемые впечатления «полета на Луну». Называя летчика «художником своего дела», Мартынов находит общее у него с «художниками слова», когда мастер-пилот подарил мастеру-стихотворцу не только прекрасное ощущение полета, но и размышления о будущем величии родного края. Здесь мотив дороги символизирует и такие процессы, как движение, поиск, испытание, обновление, символ свободного творчества.

Функции мотива дороги в книге «Воздушные фрегаты» разнообразны. В первую очередь, это композиционный прием, связывающий воедино главы произведения.

В «Воздушных фрегатах» тема дороги является связующей. Автор начинает сборник новеллой «Детские грёзы», где описывает свое детство, город Омск с его многонациональным населением, в котором он родился и вырос, свои первые увлечения техникой, рисованием, первые знакомства с книгами. Мартынов характеризует эволюцию формирования своих читательских интересов. Он повествует об увлечении десятилетнего мальчика не только детективами, приключениями и исторической фантастикой, но и упоминает об отсутствии интереса к поэзии: «классическая поэзия, трактующая о вещах и явлениях, не имевших никакого отношения к моему пыльно-снежному паровозно-пароходному зауральскому бытию, казалась мне прекрасно-далекой и величественно-скучной почти в такой же мере, как поэзия символистов» [8, Т.3, с.14].

В конце же главы отношение автора к поэзии постепенно меняется, он пишет, что «...поэзия <...> только и ждала, чтобы забрать меня в свои руки, к тому же вернуть с небес на землю» [8, Т.3, с.16.] Тогда шел второй год гражданской войны, и юному поэту были близки все военные события, его родной город был наполнен ее эхом. В то время Мартынов впервые прочитал стихотворение Маяковского «Я и Наполеон» и «приобщился к мировым событиям», проведя параллели между содержанием стихотворения и событиями Омска в годы гражданской войны.

Новелла «Курган среди асфальта» замыкает цикл «Воздушные фрегаты». В ней тема Родины приобретает обобщенное звучание. Здесь поэт высказывает то, что волновало его и раньше, а теперь окончательно оформилось в его сознании – это «чувство принадлежности к роду, чувство прародины» [8, Т3; с.389]. В определенный момент жизни ощущение связи между прошлым, настоящим и будущим, чувство национальной гордости, таящееся где-то в глубине его души, внезапно выступают отчетливо,

уверенно и проникновенно. Говоря о становлении чувства национальной гордости своего автобиографического героя, Л. Мартынов внимательно прослеживает эволюцию его мировоззрения. Например, если в детском сознании юного поэта Илья Муромец ассоциировался только с «одноименным знаменитым аэропланом» [8, Т3, с.389], а воспоминание о национальной старине приходило только при виде шлемов-богатырок красноармейцев, то на рубеже 70-х годов XX века автор, умудренный жизненным опытом, принимает глубоко в сердце образ Родины, ее национальных истоков, и этот факт ощущается Мартыновым во всей ее широте и силе.

Это чувство проснулось в нем также от прикосновения к тем массам народа, которые после революции хлынули из-за Урала на восток. Все эти землекопы, плотники, каменщики, тачечники, грузчики из-под Рязани, из-под Тамбова, из-под Чернигова и Смоленска – рабочие первых советских строек в Сибири – приводили его к мысли, что у него, Л. Мартынова, есть своя крестьянская родословная, его род из того же российского корня. И, как справедливо заметил В. Дементьев, «это новое ощущение своего конкретного «я» как части единого и многоликого целого на многие годы вдохновило автора «Воздушных фрегатов», определило его дальнейшие замыслы и художественные свершения» [4; с.276].

В последней главе книги, рассказывая о встречах с курганными могильниками, могилами далеких предков кривичей, вятичей, чьи потомки осваивали впоследствии Сибирь и Дальний Восток, автор размышляет именно о преемственности поколений, о том, что «судьба человека определяется не только сегодняшними событиями, но и тем, что происходило сто, двести, тысячу лет назад» [8, Т.3, с.392]. Заметив бугорок на одном из новых проспектов Москвы, увитый корнями старых деревьев, напоминающий курганные могильники, автор с гордостью восклицает: «...Курган среди асфальта! Вот как крепко уцепились за эту землю мои предки – кривичи или вятичи...» [8, Т.3, с.394]. Раздумья и сомнения,

печали и радости каждого человека не умирают вместе с ним. Вместе взятые, они и составляют тот духовный опыт человечества, который передается из поколения в поколение. Тонкое сплетение топографического компонента (курганские могильники) и «жизненного пути» рождает мысль о неразрывной связи между жизнью и Родиной, прошлым и будущим.

Дорога – это и способность к творчеству, и способность к познанию истинного пути человека и всего человечества, и надежда на то, что такой путь удастся найти современникам.

Таким образом, исходя из анализа рассмотренных текстов писателя, можно сделать вывод, что мотив дороги в его произведениях достаточно многообразен. Он встречается практически в каждой главе его автобиографических книг, и каждый раз автор представляет его в различных аспектах. Мотив дороги – это художественный образ и сюжетообразующий компонент, источник перемен в жизни, это и способность к творчеству, и призыв к неустанному писательскому труду, и способность к познанию истинного пути человека, а так же и всего человечества, и надежда на то, что такой путь удастся найти современникам. Он помогает Л. Мартынову и показать картины жизни, и усилить окраску настроения автобиографического героя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 1975. – 504 с.

2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. - / А.Н. Веселовский // Сборник научных трудов. Новосибирск, 1996. - 180 с.

3. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б.М. Гаспаров // Даугава, 1988. № 10. С. 96-106

4. Дементьев В.В. Проза поэта / В. В. Дементьев // Новый мир. 1975. №5 – 276 с.
5. Заборна, М. С. Лінгвопрагматичні параметри мотивної структури тексту Олеса Гончара «Твоя зоря». Наукові записки ТНПУ ім. Володимира Гнатюка. Серія: Літературознавство / М.С. Заборна //Тернопіль,2018. Вип. 49. С.37–52
6. Кушнірова Т. В. Мотив як літературознавча категорія: ознаки і типологія. Вісник ПДПУ ім. В. Г. Короленка / Т.В. Кушнірова // Полтава, 2004. – Вип. 1 (34). С. 3–11
7. Лабащук, О. В. Продуктивність категорії мотиву для структурно-семантичного дослідження сучасного натального наративу. Матеріали до української етнології / О.В. Лабащук // Київ, 2013. – Вип. 12. С.136–141
8. Мартынов Л.Н. Собрание сочинений в 3 т. / Л.Н. Мартынов. – М.: Художественная литература, 1977. – Т.3. Проза. 1977. – 414 с.
9. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учеб. пособие. / Н.А. Николина // М.: Флинта; Наука, 2002. 424 с
10. Працьовитий В. С. Образи-символи у драматургії Миколи Куліша. Сучасний погляд на літературу / В. С. Працьовитий // Київ, 2000. Вип. 2. С. 116 – 130.
11. Сапогова, Е. Е. Поэтика автобиографии: к анализу мотивов субъективных нарративов в психологическом консультировании. В: Развивающийся человек в пространстве культуры. Психология гуманитарного знания, под ред. Е. Е. Сапоговой / Е.Е. Сапогова //Тула, 2004 – С. 227–233
12. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тamarченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тamarченко. / Б.В. Томашевский – М.: Аспект Пресс, 1996

Dragan O.A., lecturer

S. Kuznets Kharkiv National University of Economics, Kharkiv, Ukraine

MOTIVE OF THE ROAD IN THE AUTOBIOGRAPHICAL BOOK BY L. MARTYNOV "AIR FRIGATES"

The article examines the motive of the road in L. Martynov's autobiographical prose. The functions of the road, way, travel in the investigated works of the writer are varied and multifaceted. In the poet's autobiographical prose, this motive has not been sufficiently studied, therefore, the analysis of how it manifests itself in the author's texts, as well as the identification of its specific functions, provide opportunities for a better understanding of the writer's creative tasks, and the methods used to solve them.

Key words: motive, road, chronotope, space, time, travel

Драган О.А., викладач.

Харківський національний економічний університет ім.С.Кузнеця, Харків,
Україна

МОТИВ ДОРОГИ В АВТОБІОГРАФІЧНІЙ КНИЗІ Л. МАРТИНОВА «ПОВІТРЯНІ ФРЕГАТИ»

У статті досліджується мотив дороги в автобіографічній прозі Л. Мартинова. Функції дороги, шляху, подорожі в досліджуваних творах письменника різноманітні і багатогранні. В автобіографічній прозі поета цей мотив недостатньо досліджений, тому аналіз того, як він проявляється в текстах автора, а також виявлення його специфічних функцій дають можливості для кращого розуміння творчих задач письменника, і методів, використовуваних для їх вирішення.

Ключові слова: мотив, дорога, хронотоп, простір, час, подорож